

Глава 20. Ликование горы

Современная наука шагает вперёд семимильными шагами, и многое из того, что некогда внушало человечеству благоговейный трепет, теперь нашло своё объяснение. Ветер, дождь, громы и молнии — всё это подчинилось воле человека. И потому многие забыли, что в мире существуют силы, неизмеримо превосходящие нас в могуществе и непостижимости.

Человек — всего лишь муравей, ошибочно полагающий, что познал весь мир. Лишь когда эти огромные, таинственные силы протягивают к тебе свою длань, ты осознаёшь, что извечный, таинственный ужас никогда не покидал саму твою суть.

Первобытные люди падали ниц перед яростью небес. Сейчас я, подобно им, стоял перед взором этого медного котла и не мог придумать ничего иного, кроме как пасть на колени и молить о прощении.

Но я даже не знал, за какой грех мне следовало просить прощения. За мою глупость? За невежество? За то, что я, ничтожное и гордое создание, не заметил, как Его присутствие уже давно окутало меня?

Всё вокруг исчезло. А может, окружающего мира никогда и не было. Огромное око в исполинском сосуде медленно вращалось в своей глазнице, а со всех сторон в мои уши вливались стоны и вопли.

Я стоял под порывами ветра в яркий солнечный день. Над бескрайней степью раскинулось лазурное небо, и где-то вдаль, на просторах лугов, возвышался гигантский котёл.

Что-то было не так.

Эта мысль промелькнула в моём сознании, но я не мог понять, что именно. Далёкое медное сооружение мерцало золотистым светом под палящим солнцем. Оно было высотой с трёхэтажный дом, и из его вершины едва заметно струился тёмный дымок.

Я стоял на месте, не в силах сдвинуться ни на шаг. Странное чувство сковало мои конечности. Я вспомнил ту притчу о слонёнке, которого с детства привязывали к колышку. Вырастая, могучий слон даже не пытался вырваться, убеждённый, что это невозможно. Его держал не колышек, а его собственное восприятие.

Моим восприятием завладели.

Человечество смогло покорить небеса и земные недра лишь потому, что верило в отсутствие тайн, недоступных его познанию. Но сейчас я стоял здесь, охваченный ужасом и смятением. Мой разум породил идею, которая приказывала мне не двигаться, не сопротивляться. Даже если в следующую секунду мне отрубят голову, я не должен издать ни звука, чтобы не

нарушить эту сцену.

Я задрожал. Страх, неподвластный мне, разливался по телу, заставляя сердце бешено колотиться, а дыхание — сбиваться.

«Почему я не могу сопротивляться? Почему не могу двигаться?»

На мои вопросы не было ответа. Я даже не понимал, как эта мысль зародилась в моей голове.

Этот кошмар был сильнее того, что я испытал в степном тумане. Инстинктивная реакция любого живого существа — «бей или беги». Выживание всегда было главной, единственной задачей всего живого.

Мозг отдаёт приказы, чтобы сохранить тело, чтобы выжить. Только выжив, может выжить и он сам. Герои могут пожертвовать собой во имя высших идеалов, потому что их разум говорит им, что это правильно. Сознание человека имеет абсолютную власть над его действиями.

Но со мной всё было иначе. Мне не дали никаких объяснений. Мой разум отчаянно сопротивлялся этой навязанной идее, но тело получало иные сигналы. Неведомая сила перехватила управление, заставив эту плотскую оболочку подчиняться своим приказам.

Что происходит? Где я?

«Всё, что я вижу, — это реальность или галлюцинация?»

Пока я пребывал в панике, по равнине пробежал лёгкий ветерок. Трава пригнулась к земле, и мой взор внезапно охватил необъятный простор. Далёкая река, мерцающая золотом, и редкие рощицы — всё это предстало передо мной как на ладони.

А затем я увидел людей.

Их было несколько сотен. Длинная, извилистая процессия, подобно муравьиной тропе, тянулась издалека. Их одежда была разномастной: кто-то был одет как степняк, кто-то — как житель центральных равнин. В толпе были мужчины и женщины, старики и дети. Некоторые были ранены и, поддерживая друг друга, брели к цели.

Вскоре голова процессии достигла медного котла.

Я стоял слишком далеко. Несмотря на яркий дневной свет, лица несчастных расплывались, и я не мог разобрать, кто вёл их — мужчина или женщина. Этот человек подошёл к исполину и совершил какие-то действия. Лишь когда он обнажился до пояса, я понял, что он раздевался.

Вскоре он был полностью наг. Дверца сосуда, должно быть, была приоткрыта. Он распахнул её и скрылся внутри.

Остальные молчали. В толпе началось шуршание — они тоже начали снимать одежду. Они аккуратно складывали вещи рядом, и постепенно на этом месте выросла гора из одеяний, становившаяся всё выше по мере того, как к ней подходили новые люди.

Всё больше и больше народу входило внутрь. Дно котла, вероятно, было размером с несколько комнат. Молодые вели за собой стариков, сильные несли на руках детей, матери держали за руки своих чад, братья и сёстры, взявшись за руки, вместе шагали в медное нутро.

У меня возникло очень, очень дурное предчувствие.

Они были похожи на игрушечные вагончики, движущиеся по деревянным рельсам, послушные невидимой руке, что вела их одного за другим в пасть предопределённости.

И я был частью этой постановки. Моя роль — быть зрителем и свидетелем.

Я не мог унять дрожь, но и упасть на землю от слабости тоже не мог. Процессия неумолимо сокращалась, подобно длинной змее, медленно вползающей в чрево. Наконец, остался лишь хвост из десятка человек.

В этот момент в толпе раздался пронзительный крик.

Я тут же посмотрел туда. Это был ребёнок, лет восьми или девяти, не разобрать, мальчик или девочка. Мать держала его за руку и снимала с него одежду, обнажая худую грудную клетку с проступающими рёбрами.

Он кричал. Я видел его широко раскрытый рот, похожий на тёмную пещеру. Дитя выкрикивало какие-то слова — то ли мольбы, то ли проклятия. Его голос был таким громким, что, казалось, пересёк половину прерии и ударил мне в уши.

Холодный пот струился по моей спине. Трепет перед неведомым почти полностью парализовал мою способность мыслить.

Его крики выражали отчаянный протест, но его действия — нет.

Несмотря на вопли, на явное нежелание подчиняться, он безропотно поднимал руки, когда мать снимала с него одежду. С искажённым от ужаса лицом он послушно помогал ей складывать свои вещи.

Его сознание боролось. Звуки этой борьбы, пронзительные и хаотичные, вырывались из его рта,

словно крик муравья, лишённого всех конечностей и ожидающего смерти как божественной милости.

Я молча стоял. Ветер выл, и крик ребёнка вместе с порывами проникал в моё тело. Я ощутил необъяснимую боль. Желудок свело судорогой, и нервы в голове запульсировали, словно раскалённая кровь покидала мои виски, устремляясь в глубины мозга.

Без всякой причины я заплакал. Возможно, потому, что я знал — он тоже плачет. Ребёнок кричал до хрипоты, но судьба уже предрешила его последний шаг. Всякое сопротивление было тщетно. Он был агнцем на заклание, со связанными ногами. Звенела сталь точильного камня, и самым мучительным в этот миг была не сама смерть, а её ожидание.

Вид скорбит о себе подобных. В этот миг на бойню вели не скот, а людей — таких же, как я.

Они породили великие цивилизации и могучие технологии. Они покоряли эти земли и тысячи других миров. Их разум создал письменность и языки, их чувства превратились в поэзию и искусство. Они были одним из миллиардов чудес, рождённых этой планетой, самым долгим и самым поразительным из всех.

И перед Ним они были лишь скотом, ничтожными муравьями, безымянными особями на гигантской ферме. Ни их рождение, ни их смерть, ни даже их кровь не оставят в Его взоре ни малейшего следа.

Перед котлом они сбросили одежды цивилизации, превратившись в простую плоть. Высокие и низкие, знатные и простые — какими они родились, такими и уходили.

Ребёнок всё ещё плакал. И постепенно, словно первый факел, зажжённый проводником, озарил тьму, остальные, пребывавшие в оцепенении, начали пробуждаться. Они осознали своё положение.

Раздалось ещё больше криков, всё больше людей приходило в себя. Они раздевались, но теперь их методичные, даже неторопливые движения сопровождалось громкими рыданиями. Из их уст неслись мольбы о пощаде, проклятия, молитвы и бессмысленные, отчаянные вопли перед лицом смерти.

Они боялись. Мой собственный страх достиг предела, но их паника продолжала расти. Тысячелетиями считавшие себя венцом творения, они шли на заклание, ничем не отличаясь от свиней и собак.

Я вспомнил тех овец, тех отвратительных, извивающихся существ. Если бы их позвали, они поступили бы так же? Вошли бы они в объятия искажённой смерти с ясным сознанием, как эти люди?

Я перестал дрожать. Не знаю почему. Возможно, чрезмерный ужас парализовал мои нервы.

В этот миг я даже засомневался: были ли те, кто входил в котёл, людьми или каким-то другим видом безволосого скота? Может, когда мы режем свиней, они тоже издают такие звуки, просто мы не понимаем их проклятий и мольб, но понимаем человеческие.

Плачущая процессия наконец скрылась в медном исполине. Изнутри донеслись беспорядочные звуки, и вскоре мольбы и рыдания сменились пронзительными криками. Эти крики, подобно дыму, вырывались через отверстие в крыше и, резонируя в чреве сооружения, превращались в мощный, гулкий рёв, похожий на звук рога, который я слышал в самом начале. Он разносился далеко по бескрайней земле.

Распространился запах гари. Огонь внутри был сильным, он вспыхивал то ярче, то тусклее. Но крики не утихали. На стенках котла смутно проступали человеческие силуэты. Их конечности были искажены, они высоко вскидывали руки и раскачивались в тесноте, сначала влево, потом вправо. Это напоминало какой-то примитивный танец.

И тут я, кажется, кое-что понял.

Только что, когда я был в плену галлюцинации с поездом, Профессор и Златовласый говорили, что я совершал похожие движения. Круг влево, потом вправо, потом снова влево.

Точно так же, как я видел сейчас.

Мой танец, похожий на ритуальный, был имитацией предсмертных движений этих сжигаемых людей.

Медный котёл начал влиять на меня ещё тогда. Я даже подумал: а что, если некоторые ритуальные танцы в степи, помимо подражания животным, изображают мучительную смерть жертв? Ведь, согласно этой логике, в момент смерти жертва ближе всего к божеству.

Этот объект, возможно, и был целью поклонения какой-то древней цивилизации.

Я был весь в холодном поту, но по-прежнему не мог пошевелиться. Из сосуда время от времени доносились тихие хлопки — это трескались и превращались в пепел человеческие кости. Словно сытно поев, он издавал тихую отрыжку.

Вскоре танец прекратился, и звуки стихли. Только тогда я заметил сбоку четыре или пять небольших отверстий, из которых начали капать золотистые капли жира, впитываясь в землю.

Меня тут же охватила сильная тошнота, но после нескольких сухих рвотных позывов я так ничего и не изверг.

Это был человеческий жир.

Сотни людей. Жир вытекал непрерывным потоком. Распространился запах жареного мяса. Котёл не двигался, но узоры на его поверхности менялись, цвета перетекали друг в друга, не имея чётких очертаний, хаотично сплетаясь на медной поверхности.

Я стоял и молча смотрел на это.

Я уже не знал, о чём я думаю.

Я вдруг понял, что мой ужас проистекал из того, что я считал себя таким же, как они. Но стоило мне взглянуть на это с другой точки зрения, как их страдания перестали меня касаться. Я мог бы посочувствовать их участи, но через несколько минут забыл бы об этом.

Возникло новое, странное чувство. В голове гудело, я словно слышал, как в мозгу образуются новые нейронные связи. Сама суть моего существования претерпела едва уловимое изменение. Я стал выше этих существ. Я смотрел на них, как человек смотрит на вездесущие микроорганизмы. Они существуют, но мне всё равно.

Я больше не чувствовал страха. Напротив, меня охватило давно забытое спокойствие. Это было похоже на ощущение гигантского зверя, плывущего в лазурных глубинах океана. Он настолько могуществен, что уничтожение цивилизации планктона — лишь небрежное движение плавника, а дарование пропитания другой цивилизации — всего лишь крошка, упавшая из его пасти.

Поэтому мне не о чем беспокоиться. Перед лицом сокрушительной силы само существование есть истина. Я — есть истина.

Нет, не я...

А Оно.

Это чувство не вызывало гордыни, потому что здесь не было нужды в ней. Желания рождаются в сравнении, а на этой планете не было ничего, что можно было бы сравнить с Ним. Его существование не имело конкретной цели, не имело определённой воли. Оно было неизбежностью в исходном коде вселенной.

Оно было вне всего сущего, и никакие законы этого мира не могли его сдерживать. Даже смерть не была для него обязательным правилом. Его сила заключалась в вечной неизменности. Мир менялся, эпохи сменяли друг друга, но Оно оставалось таким же, каким было в момент зарождения вселенной.

Оно пришло. В этом хаотичном воспоминании Оно разорвало время, чтобы бросить на нас свой

мимолётный взгляд.

Мои зубы перестали стучать, тело перестало дрожать. Мои глаза видели уже не эту степь, а пару глаз. В этих глазах была ещё одна пара глаз, а в них — ещё одна равнина. В Его зеркальном отражении были бесчисленные очи и бесчисленные степи.

Прошлое, настоящее и будущее, утро, день и ночь — всё происходило последовательно и одновременно. Котёл кипел, дым валил клубами, и тучи над землёй сгустились, нависая чёрным саваном.

Всё закружилось в вихре. В ушах звучали разные языки. Я видел обрывки картин: поезд, колокольня, грандиозное представление. словно при быстром перелистывании книги, из-под пальцев вырывались лишь отдельные фразы. В них не было цельного смысла, потому что эта книга не предназначалась для чтения таким, как «я».

Небо становилось всё мрачнее. Гора готовилась явить себя.

Меня словно кто-то дёрнул, и я внезапно вернулся в своё тело. На мгновение в голове стало пусто. Те необъяснимые мысли исчезли так же внезапно, как и появились. Я снова был один, стоял посреди этого бескрайнего простора, под нависающими чёрными тучами. И снова зазвучал тот рог, возвещая о Его пришествии.

Тучи опускались всё ниже, становились всё плотнее.

Оно идёт. Оно идёт.

Из-за облаков поднялась бесформенная чёрная масса. Из одной она превратилась во множество, размножаясь с невероятной скоростью. Она колыхалась в небе, пронизывая его, её хребет был бесконечным и могучим. Она хлынула со всех сторон и тут же рассеялась, накрыв собой весь мир.

В одно мгновение меня окружила чёрная гора.

У неё не было ни определённой формы, ни видимых ориентиров. Это была просто чёрная масса, бесформенная вершина, превосходящая любую гору на Земле, иллюзорное море, способное поглотить миллионы городов. Она не испытывала ни боли, ни смятения. Её существование было одновременно реальным и ложным. Её появление не имело причины. Она не отвечала ни на какие призывы, но постоянно двигалась, и подобно тому, как человек, идя, случайно разрушает муравейник, так и её движение вызывало в мире катаклизмы.

И всё это её не касалось. У неё не было лица, но я чувствовал, что она улыбается.

Вопреки нашим догадкам, она, возможно, и несла боль и отчаяние, но сама по себе была

абсолютно стабильной и нейтральной. Она просто существовала, а все её качества были лишь плодом человеческой сентиментальности.

Она существовала, путешествуя в бесконечном времени. Подобно таинственной улыбке Моны Лизы, в ней не было ни восторга, ни печали. Гора была в состоянии ликования. Она существовала, мучила, разрушала, непоколебимо сокрушая всё в пыль.

Чёрная горная гряда, возникшая из чёрных туч, бесформенный, нематериальный колосс — это и была та, кого они называли...

Чёрная гора.

Я уже давно не мог стоять и рухнул на колени. Давление от стремительно приближающейся громады грозило сокрушить мои хрупкие кости и плоть. Я отчаянно пытался вдохнуть, но из горла вырывались лишь хрипы, словно самые основные функции моего организма отказали.

Удушье было невыносимым, сердце бешено колотилось, причём неровно, то ускоряясь, то замедляясь. От боли спину покрыл холодный пот. Я схватился за грудь. Перед глазами всё поплыло, предметы потеряли очертания, превратившись в сплошное белое сияние.

Сердце болело всё сильнее, а потом вдруг боль исчезла. Пропало не только физическое недомогание, но и гнетущее чувство в душе. Секунду назад я слышал гул собственного сердца, а в следующую — всё погрузилось в тишину.

Кажется, я умер.

Осознав это, я даже почувствовал некоторое облегчение.

С тех пор, как я ступил на эту землю, меня таскали за нос все кому не лень. Каждый встречный норовил меня обидеть, я каждый день трясся от страха, как осиновый лист, и каждую ночь перед сном думал, за что мне такое наказание.

Не встретить я Златовласого и Профессора, давно бы уже погиб. Но я им ничуть не благодарен. Лучше хорошая смерть, чем такая жизнь. Умру — и все проблемы исчезнут. Мне не о чем было жалеть.

«А я-то думал, что стану главным героем этой истории. Оказалось, всё не так просто...»

Я чувствовал, как моё сознание рассеивается, белое сияние перед глазами тускнеет. Я решил, что для финала истории это неплохо, и перестал бороться, позволяя себе уплыть.

Но вскоре я понял, что мне это не удастся.

Кто-то ударил меня кулаком в грудь.

Не успел я опомниться, как на меня обрушилось ещё семь, восемь, девять, десять ударов. Словно мне и умереть спокойно не давали.

Я невольно выругался про себя.

«Думал, смерть — это покой, а оказалось, и тут покоя нет»

Я потерпел немного, но бьющий становился всё наглее. Непонятно было, пытается он меня убить или оживить. Я хотел крикнуть: «Хватит!», но из горла вырвался лишь слабый хрип, а боль в груди только усилилась.

«Сдаюсь! Сдаюсь!»

Я беззвучно кричал в своём сознании, отчаянно пытаюсь подняться. Тело было тяжёлым, словно я лежал в вязкой грязи. Но я не мог позволить ему бить меня дальше и заизвивался, как вытасченный на берег вьюн.

Наконец, я смутно почувствовал, что могу пошевелить головой.

Я тут же резко вскинул её. Кто-то рядом выругался. С невероятным усилием я приподнял свинцовые веки. Перед глазами расплывался силуэт, который через мгновение раздвоился, а затем обрёл чёткость.

— Очнулся, — улыбнулся Златовласый. — Операция по кастрации прошла успешно!

Его тон был настолько игривым, что я почти видел волнистую линию в конце фразы. Я не успел ничего сообразить. Профессор подошёл, оттянул мне веко и посветил фонариком, заставив меня зажмуриться.

Мой мозг ещё не восстановился настолько, чтобы нормально воспринимать речь. Профессор, закончив осмотр, отошёл в сторону и занялся чем-то своим. Златовласый придвинул стул, сел рядом и не переставал улыбаться.

Он смотрел на меня, я — на него. В моём взгляде, должно быть, читалось недоумение. Он это заметил и любезно пояснил:

— Ты тут только что ненадолго умер. Я делал тебе сердечно-лёгочную реанимацию, а ты в ответ боднул меня, — сказал он. — С этого дня я твой спаситель. Как собираешься отплатить мне за спасение жизни?

<http://bllate.org/book/13479/1691544>